

Вячеслав Подобед, Анатолий Усачук, Виталий Цимиданов

Псалии Центральной и Южной Европы от Оарца де Сус и Микен до Бабадага: археологические контексты

Keywords: cheek-pieces, Central and Southern Europe, ceremonies.

Cuvinte cheie: psalii, Europa Centrală și de Sud, ritualuri.

Ключевые слова: псалии, Центральная и Южная Европа, обряды.

Vyacheslav Podobed, Anatolii Usachuk, Vitalii Tsimidanov

Cheek-pieces of Central and Southern Europe from Oarța de Sus and Mycenae to Babadag: archaeological contexts

The ritual use of the cheek-pieces (made of horn, bone and bronze which are typologically close to them) in the cultures of Central and Southern Europe of BA2-HB3 periods has been considered in the paper. The authors have proved that in the course of various ceremonial procedures cheek-pieces could be placed in graves, buildings, pits, which were located outside of buildings, ash-pits, treasures, etc. It should be noted that two of cheek-pieces often became simultaneous attributes of rites. Worn-out and broken parts of a horse bridle were often included in the context of a ceremony. Perhaps some of the found cheek-pieces had been intentionally damaged during the ceremonies. In some complexes, weapons were found beside cheek-pieces, but in most cases they were not. Thus, a horse bridle is not an exclusive attribute of warriors. In some periods, a surge of the ritual use of cheek-pieces is observed (BA2, BB1, BD, HA1). The paper also highlights the similarities and differences in the ritual use of the cheek-pieces in the cultures of Central and Southern Europe, on the one hand, and in the cultures of the Eurasian steppe and forest steppe, on the other.

Veaceslav Podobed, Anatolii Usaciuk, Vitalii Tsimidanov

Psaliile din Europa Centrală și de Sud de la Oarța de Sus și Mycene până la Babadag: contexte arheologice

În lucrare este examinată utilizarea ritualică a psaliilor (lucrate din corn, os și cele apropiate lor tipologic din bronz) în culturile Europei Centrale și de Sud din perioadele BA2-HB3. Autorii arată, că în procesul unor diverse manipulări de ritual psaliile puteau nimeri în morminte, construcții, gropi din afara construcțiilor, cenușare, depozite etc. Nu atât de rar rolul de atribut în aceste ritualuri îl jucau concomitent două psalii. Deseori în context apăreau detalii de frâu pentru cai, care erau uzate și deteriorate. Este posibil ca o parte din psaliile descoperite să fi fost sfărâmate special în timpul manifestărilor de ritual. În unele complexe alături de psalii au fost găsite și arme, însă în majoritatea cazurilor acest fenomen nu avea loc. Astfel, frâul de cal nu era un atribut specific doar luptătorilor. În anumite perioade s-a observat o utilizare ritualică foarte frecventă a psaliilor (BA2, BB1, BD, HA1). În articol de asemenea se atrage atenție asupra asemănărilor și diferențelor la folosirea ritualică a psaliilor în culturile Europei Centrale și de Est, pe de o parte, și în culturile de stepă și silvostepă ale Eurasiei, pe de alta.

Вячеслав Подобед, Анатолий Усачук, Виталий Цимиданов

Псалии Центральной и Южной Европы от Оарца де Сус и Микен до Бабадага: археологические контексты

В работе рассматривается обрядовое использование псалиев (роговых, костяных и типологически близких им бронзовых) в культурах Центральной и Южной Европы периодов BA2-HB3. Авторы показывают, что в ходе разнообразных обрядовых манипуляций псалии могли оказываться в погребениях, постройках, ямах, располагавшихся за пределами построек, зольниках, кладах и т.д. При этом атрибутами обрядов нередко становились два псалия одновременно. Зачастую в контекст обряда включались изношенные и сломанные детали конской узды. Возможно, часть археологизированных псалиев была намеренно повреждена в ходе обрядов. В некоторых комплексах псалии коррелировались с оружием, но в большинстве случаев это не имело места. Таким образом, конская узда не являлась атрибутом исключительно воинов. В отдельные периоды наблюдался всплеск обрядового использования псалиев (BA2, BB1, BD, HA1). В статье также заостряется внимание на сходстве и различии в обрядовом использовании псалиев в культурах Центральной и Южной Европы, с одной стороны, и в культурах степной и лесостепной Евразии, с другой.

Начиная с периода BA2¹ в различных куль-

1. Здесь и ниже мы используем хронологическую схему из работы В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева [2002, рис. 1], где выделение периодов развития центральноевропейских культур базируется на периодизациях П. Рейнеке и Г. Мюллер-Карпе.

турах Центральной и Южной Европы получила распространение конская упряжь с псалиями из рога и кости, а несколько позже – и из бронзы. Интерес к псалиям названной территории не угасает уже несколько десятилетий. По

меньшей мере, с 1950-х годов многие авторы занимались разработкой их типологии и хронологии (см., например [Mozsolich 1953; Oancea 1976; Hüttel 1981; Boroffka 1998; Penner 1998; Goncharova 2000; Ailincăi, Mihail 2010; Motzoi-Chicideanu etc. 2012, 70-78; Bochkarev, Kuznetsov 2013, 72, 74]). На основе данных изделий реконструировалась конская узда [Bökönyi 1953], причем ее развитие порой рассматривалось в связи с «социально-политической историей» [Hüttel 1978, 81-85]. Центрально- и южноевропейские псалии служили также источниками для изучения культурных связей и влияний в области конской упряжи [Hüttel 1978, 79-80; Nefedkin 2001, 122-131; Kristiansen, Larsson 2005, fig. 79; Korfmann, Zidarov 2006, 683-686; Motzoi-Chicideanu et al. 2012, 70-78; Bochkarev, Kuznetsov 2013, 72, 74; Metzner-Nebelsick 2013, 330-348]. Изучалась орнаментация этих изделий [Vladár 1973, 299-303; Penner 1998, 123-133]. Их касались и в связи с историей колесного транспорта [Hüttel 1994, 205-211], древними миграциями [Kuz'mina 1994, 407-408; Klein 2010, fig. 25]. Существует, однако, аспект, который до сих пор почти не затрагивался. Это – обрядовое использование псалиев в центрально- и южноевропейских культурах. Для рассмотрения данного вопроса прежде всего необходимо выяснить, в какие контексты псалии попадали в процессе археологизации². На наш взгляд, основными из контекстов являются следующие.

1. Погребальный комплекс

Пожалуй, самым известным погребальным комплексом с псалиями рассматриваемой территории является IV шахтная гробница могильного круга А из Микен (Греция). Здесь были обнаружены 4 щитковых псалия, изготовленных из слоновой кости. По меньшей мере, три из них орнаментированы [Karo 1930/33b, Taf. LXX, 532-535; Penner 1998, 30, 32, Taf. 1, 3-6]. Изделия относятся к типу А, по Х.-Г. Хюттелю³ [Hüttel 1981, 39] или типу I, подтипам Ia

и Ib, по Е.Е. Кузьминой [1980, рис. 1]. В могиле были погребены трое мужчин и две женщины. К сожалению, Г. Шлиман, описывая результаты раскопок гробницы, не уточнил, близ какого скелета (или скелетов) размещались псалии [Penner 1998, 30]. Люди, похороненные в гробнице, скорее всего, являлись лицами царского ранга [Blavatskaia 1966, 59-61]⁴. Обилие и разнообразие погребального инвентаря, происходящего из этого комплекса, поражает. В гробнице выявлены золотые маски, «короны», диадемы, бронзовые мечи с алебастровыми наконечниками, бронзовые мечи с алебастровыми наконечниками копий, кинжалы [в т.ч. инкрустированные золотом, серебром и черной эмалью], наконечники стрел из обсидиана, сосуды из золота, серебра, электра, бронзы (в т.ч. вазы, кубки, ритоны), многочисленные изделия из золотых пластин, служившие украшениями облачения, браслеты и иные предметы [Karo 1930/33, 71-120]. Поскольку псалии оказались включенными в состав этого социально неординарного «текста», можно сделать вывод, что они также относились к знакам высокого общественного положения. Об этом свидетельствует и материал⁵, из которого изготовлены данные предметы. Семантика конской узда в контексте микенского погребального обряда не вполне ясна. Скорее всего, узда заменяла колесницы по принципу *pars pro toto* [Nefedkin 2001, 165], как это имело место в степных культурах эпохи бронзы [Siniuk, Kozmirchuk 1995, 69; Goncharova 1999, 344, 347; Priakhin, Besedin 2001, 58-59].

Гробница IV, датируемая началом периода LH IA (Позднеэлладский IA), является самым ранним из микенских погребений со щитковыми псалиями [Bochkarev, Kuznetsov 2013, 6]. Добавим, что псалии найдены и в некоторых других погребальных комплексах эпохи расцвета Микенского царства, например, в гробницах 15 и 81 из Микен [Oancea 1976, 65, 68; Penner

каций – ту, которую разработал Х.-Г. Хюттель [Hüttel 1981]. Однако, применительно к некоторым псалиям мы используем и другие классификации, если те позволяют более полно учесть конструктивные особенности данных изделий.

4. А.К. Нефёдкин, анализируя материалы этого погребения, пришел к выводу, что погребальный комплекс свидетельствует «о высоком социальном статусе людей» [Nefedkin 2001, 166].

5. Слоновая кость являлась важным объектом международной торговли и сырьем для изготовления престижных изделий [Cluzan 2008, 328-329].

2. Оговорим, что нас интересуют, главным образом, роговые и костяные псалии. Вместе с тем, мы учитываем и некоторые псалии из бронзы – те, которые демонстрируют типологическое сходство с псалиями из рога и кости (прежде всего, по наличию цапфы).

3. Существует большое количество классификаций псалиев бронзового века (по подсчетам А.Н. Усачука – не менее 26). В данной работе, чтобы не перегружать текст, мы опираемся, в основном, лишь на одну из классифи-

1998, 49], погребениях 2 и 7 из **Дендры** [Penner 1998, 31, 48]. Дата последнего захоронения – ЛН IIIA (Позднеэлладский IIIA) [Oancea 1976, 74]. Все перечисленные выше комплексы с псалиями Микенской цивилизации датируются в пределах периодов ВВ1-ВС.

Следует подчеркнуть, что псалии нечасто использовались в микенском погребальном обряде. Так, из 6 погребальных камер круга А они выявлены только в одной [16,7%]. Нелишне привести информацию о частоте встречаемости захоронений с псалиями в некоторых степных культурах. По нашим подсчетам, наиболее высокий показатель демонстрирует доно-волжская абашевская культура – 12,6% учтенных захоронений. Соответствующий показатель по потаповской культуре 9,9%, по синташтинской культуре 7,5%, по покровской культуре 5,1%. Все приведенные показатели в той или иной степени уступают тому, который демонстрируют погребения круга А. Но не следует забывать, что данный могильник являлся лишь «вершиной айсберга». Помимо выявленных в круге А гробниц должны существовать синхронные им захоронения людей, занимавших иные позиции в «табеле о рангах» микенского общества⁶. Подсчеты с подключением данного «фона» [сведениями о его объеме мы, к сожалению, не располагаем], несомненно, значительно снизят показатель, демонстрируемый комплексами круга А.

Нелишне заострить внимание и на том, что практически все известные к настоящему времени находки псалиев времени пика Микенской цивилизации, кроме разве что артефакта из Какватоса (Толос А) [Penner 1998, Taf. 6,1], происходят с очень узкой территории (около 30-40 км в поперечнике (см. [Penner 1998, Taf. 16])). Вне ее известны микенские аристократические могильники (см., например [Evans 1906; Anderson Immerwahr 1971, 97-157]), но псалиев там не выявлено. Таким образом, использование рассматриваемых изделий в погребальной обрядности имело в пределах земель, которые захлестнула микенская экспансия, узлокальный характер. В данной

связи уместно вспомнить вывод, уже давно сделанный Х.-Г. Хюттелем: в Микенской Греции колесницы не имели большого значения как вид боевой техники и скорее являлась престижным транспортом [Hüttel 1978, 82-83]⁷.

В погребальных комплексах Греции «темных веков» псалии практически не встречаются. Во всяком случае, нам такой комплекс известен только один. В Лефканди (о. Эвбея), на территории западного могильника (Tumba cemetery), в кострище (pyre 1), были выявлены фрагмент удлиненного орнаментированного изделия из рога (рис. 1,2), железные наконечник копья и тесло(?), поврежденная бронзовая фибула, фрагмент железной булавки с фаянсовой вставкой и роговое коническое изделие с просверленным поперечным отверстием [Porham et al. 1979/1980, 226, pl. 190,1,1-1,6, 236,h,i]. Комплекс датируется периодом LPG (поздний Протогеометрический) [Lemos, Mitchell 2011, tabl. 1] (что примерно соответствует периоду НВ1-В.П., А.У., В.Ц). Н. Бороффка интерпретировал интересующее нас орнаментированное костяное изделие как фрагмент псалия, но воздержался от причисления его к какому-либо из типов своей схемы [Boroffka 1998, 102, 122, Abb. 16]. Действительно, артефакт слишком фрагментирован, чтобы найти ему место в существующих типологических схемах.

Обратим внимание на возможную аналогию фрагментированному псалию из **Лефканди**. В заполнении землянки 8 поселения саргаринско-алексеевской культуры Алексеевское (Казахстан) был обнаружен любопытный костяной предмет, который, скорее всего, также является обломком псалия. Здесь, как и на лефкандийском артефакте, имеется орнамент в виде двух параллельных рядов треугольных углублений [Krivtsova-Grakova 1948, рис. 22,2] (рис. 1,1). Поскольку углубления выполнялись по краям выпуклой поверхности, в итоге возник эффект «поднятой плоскости»: образовалась полоса с зубчатыми краями. То же характерно и для орнамента псалия из Лефканди.

Погребения с псалиями известны и в других культурах рассматриваемой территории. Так, в относящемся к культуре *Монтео-*

6. Общественно-политическая структура микенского общества вырисовывается как система с многоступенчатой шкалой социальных слоев (см., например [Bartonek 1991, 127-139; Andreev 2004, 301-302; Blegen 2008, 179-181]).

7. См. также [Nefedkin 2001, 153-167; Feldman, Sauvage 2010, 132-140].

ру погребении 35 могильника 2 из **Сэрата-Монтеору** (Румыния) присутствовал роговой стержневидный орнаментированный псалий [Hüttel 1981, 95, Taf. 9,93; Penner 1998, 127, Taf. 36,8]. Он может быть причислен к типу Ватина, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 94-95]. Погребение относится к фазе IC3 или фазе IIА культуры Монтеору [Sava 1992, 163], что соответствует периодам BB1 или BB2.

Обломок стержневидного псалия был выявлен в погребении 164 могильника **Питтен** (Австрия). Артефакт сопутствовал останкам трех детей [Penner 1998, 126, Abb. 26,5]. Фрагментарность изделия не позволяет причислить его к какому-либо типу. Комплекс относится к горизонту Косидер [Penner 1998, 126, Abb. 26,5], т.е. может быть датирован периодами BB1 или BB2 (см. [Dergachev, Bochkaev 2002, рис. 1]). В данном случае интересна корреляция псалия с лицами детского возраста. Это явление изредка встречается в погребальных комплексах бронзового века. Например, в захоронении синташтинской культуры из Каменного Амбара-5, 2/8 (Россия) псалий размещался в головах ребенка возрастом около 5 лет (погребенный III) [Erimakhov 2005, 36; илл. 29]. Попутно стоит отметить, что псалии порой оказывались и в женских захоронениях. Так, в погребениях синташтинской культуры из Кривого Озера, 9/2 (Россия) [Vinogradov 2003, 88] и Танабергена II, 7/23 – юго-восточный костяк (Казахстан) [Tkachev 2004, 10-11, 13] данные изделия лежали близ костяков женщин. А в относящемся к срубной культуре кургане 1 из Николаевки (Россия) псалий был выявлен близ женского погребения 11 [Ismagil et al. 2009, 19-21]. Перечисленные комплексы показывают, что считать псалии атрибутами исключительно мужчин-воинов, как это делают некоторые исследователи [Penner 1998, 30], не вполне правомерно.

В *предлужицкой* культуре известна серия погребений с фрагментированными роговыми стержневидными псалиями. Они выявлены на могильнике **Кетш** (Польша), причем здесь все интересующие нас артефакты были обожжены. В частности, в погребении 597, представлявшем собой небольшую округлую

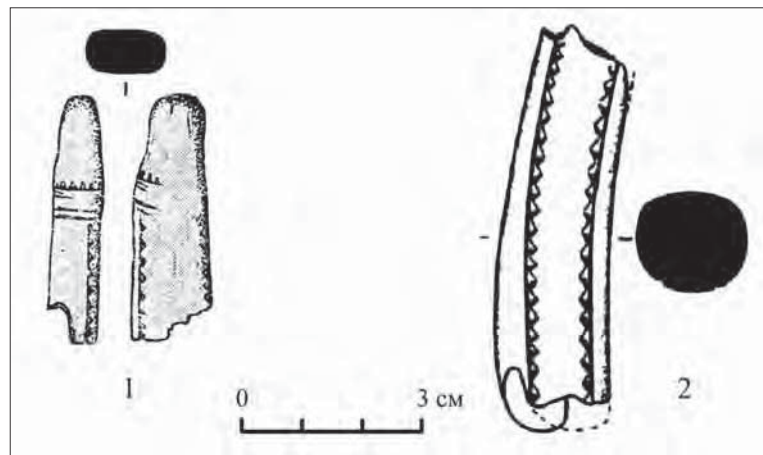

Рис. 1. 1 – Псалии с Алексеевского поселения 2 – псалий из Лэфканди [1 – по: Krivtsova-Grakova 1948; 2 – по: Popham et al. 1979/1980].

Fig. 1. 1 – A cheek-piece from Alekseevskoe settlement – by: Krivtsova-Grakova 1948; 2 – A cheek-piece from Lefkandi – by: Popham et al. 1979/1980.

яму, заполненную кальцинированными человеческими костями, находились два фрагмента псалиев, а также сосуд [Bağ 1992, 201, Abb. 2,9-11]. Псалии относятся к типу Спиш, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 82-83].

В погребении 1383 данного могильника, в овальной яме, где содержались кальцинированные кости взрослого человека, был обнаружен фрагмент псалия [Bağ 1992, 202, Abb. 2,8]. Изделие с некоторой долей осторожности может быть отнесено к типу Магдебург-Микушовце, по Х.-Г. Хюттелю [Bağ 1992, 207].

В погребении 2576 этого могильника, совершенном в округлой яме, помимо кальцинированных костей и фрагментов сосудов, также находился фрагмент псалия [Bağ 1992, 201, Abb. 3,1-5]. Артефакт, вероятно, относится к типу Магдебург-Микушовце, по Х.-Г. Хюттелю [Bağ 1992, 207].

В погребении 2824 рассматриваемого могильника (яма с кальцинированными костями мужчины, женщины и двух детей) инвентарь был более разнообразен: обломок псалия, целые и фрагментированные сосуды, фрагмент бронзового изделия неясного назначения и стеклянные бусы [Bağ 1992, 202-203, Abb. 3,6-21]. Причислить псалий из данного комплекса к какому-либо типу затруднительно.

Захоронения из Кетша датируются периодом HA1 [Bağ 1992, 203, 207]. Фрагментарность всех псалиев, выявленных в могильных

ямах, является, очевидно, следствием того, что в ходе сожжения умерших и данные изделия попадали в огонь.

В погребении из **Вёрсхаха** (Австрия) находился стержневидный бронзовый псалий с цапфой, относящийся к типу Ларнауд-Бевтофт, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 139, Taf. 37, B2]. Другие вещи из комплекса представлены большой керамической урной, двумя миниатюрными сосудиками, бронзовой орнаментированной трубочкой, а также диско-видным изделием из бронзы неясного назначения с ушками, куда вставлялись бронзовые же штырьки [Hüttel 1981, 139, Taf. 37, B1, 3-6; Hansen 1994, 530]. Дата комплекса – НА2 [Hüttel 1981, 139].

Фрагмент стержневидного псалия происходит из относящегося к *кругу культур полей погребальных урн* погребения 3 кургана 16 могильника **Грос Упаль** (Германия). Инвентарь совершенного в урне захоронения включал, помимо упомянутого артефакта, сосуд, бронзовые бритву, булавку, заостренный стержень и квадратную пластинку [Nebelsick 2005, 579, Abb. 4]. Фрагментарность псалия не позволяет отнести его к какому-либо типу. Захоронение датируется, вероятно, периодами НА1 или НА2.

Нелишне сказать также о погребении *культуры Сахарна-Солончены* из курганного могильника **Сахарна I** (Молдова). Хотя, строго говоря, территория Республики Молдова традиционно относится к Восточной Европе, в нашем случае более важно то, что культура Сахарна-Солончены, вполне вероятно, имеет центральноевропейское происхождение [Kashuba 2000, 352-360]⁸. В погребении 1 кургана VI названного могильника находились два костяка взрослых, причем один из них был сдвинут при подзахоронении второго умершего. Данное погребение являлось основным под курганной насыпью, его окружал кромлех, а сверху перекрывал «настил» из камня. В насыпи обнаружены кости животных. Умерших (или – одного из них) сопровождали стержневидный трехдырчатый роговой псалий и одноколычатые железные удила. Кроме них в состав погребального инвентаря входили черпак, миска и мисковидный сосуд [Kashuba,

Gol'tseva 1991, 203-204, рис. 5]. Псалий может быть отнесен к типу а.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михаилу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. Дата комплекса – рубеж IX-VIII – начало VIII вв. до н.э. [Kashuba 2000, 349], что соответствует периоду НВ3.

II. Постройка

На укрепленном поселении *культуры Отомань* **Спишский Штврток** (Словакия) под полом постройки [объект 1] находились два роговых стержневидных псалия – целый [Vladár 1971, 7, obr. 4, 1a-1c; Hüttel 1981, 69, Taf. 5, 48] и фрагментированный [Vladár 1971, 7, obr. 4, 2; Hüttel 1981, 92, Taf. 9, 86]. Первый артефакт по классификации Х.-Г. Хюттеля может быть причислен к типу Фюзешабонь [Hüttel 1981, 66-69], второй – к типу Спиш [Hüttel 1981, 91-92]. Постройка, где выявлены рассматриваемые изделия, относится, скорее всего, к периоду ВВ1 [Vladár 1971, 7]. В данном случае следует обратить внимание на то, что артефакты залегали под полом. В эпоху бронзы подобная локализация довольно часто присуща именно культовым комплексам (см., например [Berezanskaia 1974, 83; Formozov 1984, 239; Gorbov, Mimokhod 1999, 29; Potapov 2002, 76, 90; Tkacheva, Tkachev 2008, 22; Koriakova et al. 2011, 43; Snitkovskaia 2013, 70]).

Два фрагментированных стержневидных псалия были выявлены при исследовании относящегося к культуре Отомань (*этан III*) жилища В эпонимного поселения **Отомань** (Румыния) [Hüttel 1981, 105, Taf. 12, 117, 118; Boroffka 1998, 92, Abb. 7, 6, 7]. На одном из них, судя по рисунку, приведенному в статье Н. Бороффки, имеется орнамент [Boroffka 1998, Abb. 7, 7]. Рассматриваемые изделия были выделены Х.-Г. Хюттелем в особую форму псалиев с двумя овальными отверстиями [Hüttel 1981, 105, Taf. 12]. По Н. Бороффке, это – тип II, вариант IIa [Boroffka 1998, 119]. Постройка, в которой найдены псалии, учитывая ее позднюю стратиграфическую позицию в рамках культуры Отомань, может быть отнесена к периоду ВВ1 (см. [Dergachev, Vochkarev 2002, рис. 1]). Как псалии размещались в пределах жилища, нам неизвестно, но обратим внимание на два нюанса: а) оба изделия почти идентичны морфологически; б) оба предмета повреждены одинаково: на каждом отломаны оба конца,

8. Следует уточнить, что М.Т. Кашуба именуется данное культурное образование культурой Козия-Сахарна.

причем один из сломов на каждом артефакте проходит по отверстию. Учитывая эти нюансы, следует признать, что случайная «встреча» псалиев из Отомани является маловероятной. Очевидно, данные изделия входили в состав одного «текста» и, кроме того, скорее всего, были намеренно повреждены перед депонированием. Заметим, что обрядовая порча вещей в бронзовом веке получила весьма широкое распространение [Tsimidanov 2011, 11-17].

На поселении *культуры Ноуа Коротень* (Румыния) в северо-восточном углу помещения был выявлен фрагментированный стержневидный псалий [Boroffka 1998, 90, Abb. 6,8]. Он может быть причислен к типу Спиш (скорее всего, вариант Тей), по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 85-86]. Судя по культурному контексту, комплекс датируется периодом VD (см. [Dergachev, Bochkarev 2002, кшы. 1]). В данном случае стоит обратить внимание на локализацию изделия. Псалий находился в углу жилища, а углы построек во многих мифологических системах считались медиативными локусами, позволяющими контактировать со сверхъестественными силами [Podobed et al. 2014]. Отсюда велика вероятность того, что нахождение фрагмента псалия в рассматриваемом месте является следствием обрядовой манипуляции.

III. Яма вне построек

На укрепленном поселении *культуры Отомань* Оарца де Сус (Румыния) в яме А были обнаружены костяки двух лошадей. На черепе одной из них размещались два костяных щитковых псалия [Boroffka 1998, 92]⁹. Изделия относятся к типу А, по Н. Бороффке [Boroffka 1998, 123]. Псалии, вероятно, датируются «позднепокровским и петровским временем» (см. [Bochkarev, Kuznetsov 2013, 72]), что соответствует периоду ВА2 (см. [Dergachev, Bochkarev 2002, рис. 1]). Рассматриваемый комплекс, бесспорно, является культовым. Он может быть интерпретирован как остатки жертвоприношения. Добавим, что, по мнению Н. Бороффки, яма А размещалась на территории святилища. Нелишне отметить и то, что демонстрируемое комплексом из Оарца де Сус нахождение псалиев на черепе лишь одной из

пары погребенных лошадей находит параллели в регионах, весьма далеких от рассматриваемого. В частности, это имело место в относящемся к срубной культуре кургане 5 могильника Комаровка (Россия) [Usachuk 2013, 136-138]. А в храме на телле Харор (Израиль) было выявлено захоронение двух ослов. Здесь также были два псалия (бронзовые дисковидные), причем они вновь находились на черепе лишь одного из животных [Usachuk 2013, 136]. Очевидно, во всех трех случаях мы сталкиваемся с проявлениями одной и той же мифологемы, являвшейся надкультурной.

Возвращаясь к ямам с псалиями, следует констатировать, что таковых в Центральной и Южной Европе известно довольно много. Один из самых ярких комплексов подобного рода был выявлен при строительных работах в **Отаславице** (Чехия). Он включал фрагмент рогового стержневидного псалия с орнаментом и сосуд (черпак) *среднедунайской могильной культуры*. По сообщению владельца участка, вещи залегали в золистом пятне длиной около 1,5 м и мощностью около 0,2 м. Кроме того, в грунте, выброшенном из котлована, были найдены фрагменты еще нескольких сосудов. Имеют ли они отношение к интересующему нас комплексу, неизвестно [Prudká, Stuchlíková 1991, 253, obr. 1,1-10]. Поскольку ни о каких человеческих костях, происходивших бы из данного пятна, информатор не сообщил, мы сочли возможным интерпретировать объект не как погребение, а как яму, причем, учитывая присутствие в ней целого сосуда, – как культовый комплекс. Псалий относится к типу Магдебург-Микушовце, по Х.-Г. Хюттелю. Яма датируется периодом ВС [Prudká, Stuchlíková 1991, 256].

Другой яркий комплекс был обнаружен на поселении *культуры полей погребальных урн Гор-Каполнадомб* (Венгрия). Здесь в яме d/2, имевшей колоколовидную форму, был обнаружен роговой стержневидный псалий [Gabor 2001, Taf. III,1]. Кроме него, в яме присутствовали угли, зерна злаков, многочисленные керамические фрагменты, два глиняных пряслица, керамическое изделие в виде диска с отверстием, смещенным к краю, бронзовые шило, фрагменты иглоков, пронизь, челюсть и ребро взрослого мужчины [Gabor 2001, 246].

9. С. Пеннер относит эти псалии к культуре Виттенберг [Penner 2004a, 75; 2004b, 88].

Псалий может быть отнесен к типу Фюзешабонь, вариант А, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 66-67]. Яма датируется периодом НВ2. По мнению автора публикации, она сначала функционировала как зерновая, а затем стала мусорной [Gabor 2001, 246]. С такой интерпретацией трудно согласиться, учитывая факт присутствия в комплексе костей человека. Из последних особенно знаковой является челюсть. Нам уже приходилось писать о практике обрядовой демандибуляции, широко бытовавшей в различных культурах [Usachuk et al. 2010, 197-198]. Таким образом, заполнение рассматриваемой ямы и, соответственно, помещение в нее псалия правомерно рассматривать как следствие обрядовых манипуляций.

Не менее выразительные находки происходят из ямы 21, исследованной при раскопках поселения **Глинжень II** (Молдова). Комплекс относится к культуре *Сахарна-Солончены*. В заполнении ямы выявлен роговой стержневидный трехдырчатый псалий, у которого сколоты оба конца. В местах отверстий имеются кубовидные муфты. Поверхность изделия слегка обожжена [Gol'tseva, Kashuba 1995, 9, табл. XLIII,2]. Псалий может быть причислен к классу муфтовых по классификации С.В. Махортыха [2005, рис. 11]. В яме находились также фрагменты керамики, согнутая второе бронзовая пластинка неясного назначения, астрагал косули со сточенными боковыми гранями, изделие из отростка рога оленя, глиняное пряслице, две гранитные гальки, использовавшиеся как абразивы и кремневый отщеп. Стоит добавить, что на дне ямы имелось заполненное кусками известняка углубление, интерпретированное как столбовая ямка [Gol'tseva, Kashuba 1995, 8, 9]. Комплекс может быть датирован серединой-второй половиной VIII в. до н.э. [Kashuba 2000, 350], что соответствует периоду НВ3. Авторы публикации интерпретировали данную яму как хозяйственную [Gol'tseva, Kashuba 1995, 8]. Стоит, однако, обратить внимание на то, что некоторые из выявленных в ней предметов имели в древних культурах высокую знаковую нагрузку. Это, в частности, относится к астрагалу (см., например: [Tsimidanov 2001; 2015]), абразивам [Tsimidanov 2015, 63], кремнево-му отщепу [Tsimidanov 2004, 56; Ostroverkhov

2007, 213-214; Gershkovich, Razumov 2009, 134] и пряслицу¹⁰. Отсюда вытекает вполне вероятный вывод, что псалий из рассматриваемой ямы находился в обрядовом контексте.

Содержимое прочих учтенных ям не столь выразительно. Так, на поселении *мадьярской культуры Велка Мана* («Гедна») (Словакия) в яме находились поврежденный роговой стержневидный псалий и фрагменты керамики [Točík 1959, 27, 48, tab. II,2; Hüttel 1981, Taf. 7,68]. Артефакт относится к типу Кисзомбор, по Х.-Г. Хюттелю. Комплекс датируется периодом FD III, по периодизации С. Хенселя [Hüttel 1981, 81], что примерно соответствует периоду ВА2 [см. Litvinenko 2009, 21].

На поселении мадьярской культуры **Веселе-Градиско** (Словакия) в яме находился поврежденный роговой стержневидный псалий с орнаментом [Točík 1964, 241, Abb. 29,3a-3c; Vladár 1973, Abb. 43,1a-1c; Hüttel 1981, 100, Taf. 10,103]. Изделие из-за его фрагментарности трудно отнести к какому-либо типу. Х.-Г. Хюттель датировал комплекс периодом FD III [Hüttel 1981, 100]. Й. Владар для группы орнаментированных изделий, в которую он включил и интересующий нас псалий, предложил более высокую дату – период ВА₃ [Vladár 1973, 303]. Данный хронологический интервал можно соотносить с периодом ВВ1 используемой нами схемы, тем более, что, согласно разработкам Й. Владара, орнамент упомянутых изделий находит аналогии в декоре артефактов из микенских шахтных гробниц [Vladár 1973, 303].

На поселении мадьярской культуры **Нитрянский Градок** (Словакия) в яме находился поврежденный роговой стержневидный псалий. Артефакт относится к типу Спиш. Комплекс датируется периодом FD III [Hüttel 1981, 84, Taf. 8,73] [ВА2).

На поселении культуры *Ветеров Блючина* (Чехия) в яме II из траншеи I был выявлен небольшой обломок рогового стержневидного псалия с орнаментом. Изделие относится к типу Фюзешабонь, по Х.-Г. Хюттелю. Яма датируется периодом ВА2 [Hüttel 1981, 70, Taf. 6,57a].

На поселении культуры *Монтеору Кырломэнешть* (Румыния) в заполнении ямы 41 были обнаружены роговой стержневидный псалий с орнаментом, а также фрагменты ке-

10. О семантике пряслиц будет сказано ниже.

рамики, бронзовая пронизь и кости животных [Motzoi-Chicideanu et al. 2012, 66-69, pl. 4-11]. По типологии Х.-Г. Хюттеля, псалий относится к типу Спиш [Motzoi-Chicideanu et al. 2012, 71]. Яма датируется поздним этапом культуры Монтеору, т.е., периодом ВВ2.

На **Велатицком** поселении культуры полей погребальных урн (среднедунайский круг) (Чехия) в относящейся к древнейшей фазе данной культуры яме I/62 был обнаружен роговой стержневидный псалий [Říhový 1982, 32, obr. 18,3]. Другие находки из комплекса – глиняные сосуды, в т.ч. и целые [Říhový 1982, obr. 18,5,7,8,13]. Псалий с некоторой долей условности он может быть отнесен к типу типу Фюзешабонь, вариант А, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 66-67]. Наиболее вероятная дата комплекса – ВД.

На поселении **Якушевиче** (Польша) в относящейся к *тишинецкой культуре* яме (т.н. «объект 585») были выявлены обломок рогового стержневидного псалия с орнаментом и несколько фрагментов керамики [Bał 1992, 201, Abb. 2,1, 3-7]. Псалий относится к типу Спиш, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 82-83]. Автор публикации отнес комплекс к периоду НА [Bał 1992, 203].

На поселениях культуры *Бабадаг* в ямах также были выявлены псалии. Все они изготовлены из рога и являются стержневидными [Jugănar 2005, fig. 50; Ailincăi 2013, fig. 22]. В частности, серия таких находок была сделана на памятнике **Бабадаг-Четэцуе** (Румыния). Так, в яме 131 (раскопки 1968 г.) находился фрагмент псалия с орнаментом [Boroffka 1998, 88, Abb. 7,10; Ailincăi, Mihail 2010, 190, fig. 2,2]. Псалий относится к типу b.2, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михаилу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. В яме 163 (1968 г.) выявлен целый псалий [Boroffka 1998, 88, Abb. 7,12; Ailincăi, Mihail 2010, 190, fig. 2,3]. Изделие относится к типу a.2 [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. В яме 40 (2001 г.) обнаружен фрагмент псалия [Ailincăi, Mihail 2010, 192, fig. 2,7]. Он относится к типу b.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михаилу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. В яме 21 (2006 г.) находился целый псалий [Ailincăi, Mihail 2010, 192, fig. 2,8]. Изделие относится к типу b.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михаилу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. В яме 32 (2006 г.) выявлен фрагментированный пса-

лий [Ailincăi, Mihail 2010, 192, fig. 2,9]. Изделие относится к типу a.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михаилу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4].

На бабадагском поселении **Енисала-Паланка** (Румыния) в яме 1 находились два обломка псалия [Ailincăi, Mihail 2010, 193, fig. 2,11]. Изделие относится к типу a.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михаилу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4].

На поселении этой же культуры **Никулицел-Корнет** (Румыния) два почти идентичных типологически псалия (один слегка поврежден; оба орнаментированы) были выявлены в яме [Topoleanu, Jugănar 1995, 205, Fig. XV,1,2; XVI,1,2; Boroffka 1998, 92, Abb. 5,3,4; Ailincăi, Mihail 2010, 193, fig. 2,12,13]. Изделия могут быть отнесены к типу a.3, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михаилу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4].

Упомянутые бабадагские комплексы, судя по разработкам С.-К. Аилинкэй и Ф. Михаила, относятся к разным этапам культуры Бабадаг. К классическому этапу принадлежат ямы 131, 163, 40, 32 из Бабадага и яма из Никулицел-Корнет [Ailincăi, Mihail 2010, 197]. Данный этап датируется X-IX вв. до н.э. [Ailincăi, Mihail 2010, 196-197], что соответствует периодам НВ1 и НВ2. Яма 21 из Бабадага и яма из Енисала-Паланка относятся к заключительному этапу культуры Бабадаг [Ailincăi, Mihail 2010, 197], т.е. – к периоду НВ3.

На поселении **Буку-Похинэ**, эпонимном для памятников *типа Буку-Похинэ*, в одной из ям, которая, по мнению автора публикации, являлась хозяйственной, были обнаружены два роговых стержневидных незначительно поврежденных (у каждого слегка обломан конец) псалия [Rența 2008, 110, 126, fig. 143,3,4]. Изделия относятся к типу a.3, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михаилу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. Памятники типа Буку-Похинэ датируются X-VIII вв. до н.э. [Rența 2008, 126], что соответствует периодам НВ1-НВ3. Учитывая, что псалии почти идентичны морфологически, случайность их попадания в «мусорную» яму представляется нам маловероятной. Скорее всего, они были преднамеренно захоронены. Не исключено, что и повреждение их носило обрядовый характер.

Итак, известна большая серия ям различных культур, где находились псалии. К сожалению, в публикациях не всегда приво-

дится информации о том, с какими другими артефактами интересующие нас изделия образовывали «тексты» в этих ямах (авторов, как правило, интересовали псалии сами по себе, но не то, с чем они коррелировались). Тем не менее, повторяемость практики помещения псалиев в ямы, пусть даже порой и явно мусорные, позволяет сделать вывод, что такое их «захоронение» не является случайным. Очевидно, оно было обусловлено определенными верованиями.

IV. Зольник вне построек

На поселении *культуры Ноуа Флорень* (Румыния) в зольнике был обнаружен фрагмент рогового стержневидного псалия с орнаментом [Florescu 1991, 66, fig. 151,3; Boroffka 1998, 91, Abb. 6,7]. Артефакт может быть отнесен к типу Спиш, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 82-83]. Судя по культурному контексту, комплекс датируется периодом VD.

В одном из зольников культуры Ноуа (*этап I*) на поселении **Гырбовэц** (Румыния) был выявлен фрагмент рогового стержневидного псалия с орнаментом [Hüttel 1981, 84, Taf. 8,74; Florescu 1991, 69-71, 73, fig. 150,3; Boroffka 1998, 91, Abb. 6,13]. Псалий относится к типу Спиш, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 82-84].

При раскопках зольников данного поселения были найдены еще три фрагмента роговых стержневидных псалиев. Один из них орнаментирован [Florescu 1991, 73, fig. 152,3; Boroffka 1998, 91, Abb. 7,4]. Он относится к типу II, варианту II b, по Н. Бороффке [Boroffka 1998, 119]. Два других псалия [Florescu 1991, 73, fig. 151,4, 152,1; Boroffka 1998, 91, Abb. 7,2, 5] с некоторой долей осторожности могут быть причислены к типу IV, варианту IV b4, по Н. Бороффке. Судя по культурному контексту, все эти находки датируются VD.

Из зольников, вероятно, происходят еще три в разной степени поврежденных роговых стержневидных псалия. Они выявлены на поселении **Кавадинешть** (Румыния) [Dragomir 1980, 31-37; Florescu 1991, 44-45; Boroffka 1998, 89]. Один из артефактов [Dragomir 1980, fig. 6,2; Florescu 1991, fig. 151,1; Boroffka 1998, Abb. 5,6] относится к типу Фюзешабонь, варианту А по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 68-69]. Второй, орнаментированный [Dragomir 1980, fig. 6,3; Florescu 1991, fig. 150,2; Boroffka 1998, Abb. 7,1]

может быть причислен к типу Кисзомбор, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 80-81]. Третий псалий [Dragomir 1980, fig. 6,1; Florescu 1991, fig. 150,1; Boroffka 1998, Abb. 7,13] относится к типу b.1, по С.-К. Аилинкэй и Ф. Михайлу [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 4]. А. Флореску связал все три артефакта со слоями культуры Ноуа (*этап II*). Вслед за ним, то же сделал и Н. Бороффка [Boroffka 1998, 120]. Однако, как отметили О.Г. Левицкий и Е.Н. Савва в рецензии на монографию А. Флореску, последний из упомянутых псалиев является более поздним: «Такой тип псалий наиболее характерен для периода раннего гальштата» [Levitskii, Savva 1993, 147]. Таким образом, первые два изделия относятся к периоду VD или, возможно, периоду HA1, третий же, по аналогиям в культуре Бабадаг (см. [Ailincăi, Mihail 2010, fig. 2,1, 8]), может быть датирован в интервале HB1-HB3.

Следует сказать о еще одном интересном артефакте. На поселении Ноуа (*этап II*) **Трушешть** (Румыния) в верхнем горизонте зольника был найден обренок рога, на котором была выполнена цапфа с двумя выступами [Florescu 1991, 135, fig. 152,2; Boroffka 1998, 94, Abb. 8,6]. По мнению А. Флореску, изделие является заготовкой псалия [Florescu 1991, 135]. Н. Бороффка выразил сомнения относительно такой интерпретации [Boroffka 1998, 94]. В.Б. Панковский причислил рассматриваемый артефакт к группе изделий Трушешть-Кент, которые он поостерегся отнести к псалиям [Pankovskii 2004, 121, 123-125], подчеркнув, что «морфология группы Трушешть-Кент принципиально отличается от стандартов щитковых, стержневидных и желобчатых псалиев» [Pankovskii 2004, 125]. Мы более склоняемся к тому, что заготовка из Трушешть была все-таки предназначена для изготовления псалия (ср. [Usachuk 2013, 15]), хотя знакомство с изделием по рисунку и описанию оставляет без ответа многие вопросы, связанные с технологией изготовления предмета. Зольник, в котором заготовка найдена, датируется периодом VD или, возможно, периодом HA1.

Интерпретируя факт присутствия псалиев в зольниках, следует учитывать, что упомянутые объекты во многих культурах эпохи бронзы являлись «сакральными свалками» (термин В.Н. Горбова), связанными с культом огня и домашнего очага [Podobed et al. 2010, 23].

V. Слой вне комплексов

Следствием обрядовой деятельности может быть и залегание псалиев вне построек, ям и зольников – в «обычном» культурном слое. Вероятно, это имело место на поселении **Грэдештя-Кослоджень** (Румыния), где имеется слой культуры *Кослоджень*. При раскопках памятника были выявлены два целых костяных стержневидных псалия [Neagu, Basarab Nanu 1986, 111, fig. 15,19; Voroffka 1998, 90-91, Abb. 5,1,2]. Изделия могут быть отнесены к форме Ловасберени, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 78-79]. Дата слоя культуры Кослоджени данного поселения – XII-XI вв. до н.э. [Neagu, Basarab Nanu 1986, 117], т.е. он относится к периодам НА1-НА2. Авторы публикации не уточняют, в каком контексте находились интересующие нас изделия, но, во всяком случае, они, судя по контексту статьи, не происходят из ям. Псалии почти идентичны типологически. Очевидно, они являлись частями одного уздечного набора, и, учитывая, что изделия были вполне годными для использования, трудно представить, что их выбросили за ненадобностью, к тому же – в двух разных местах. Скорее всего, псалии были намеренно захоронены в одном месте вследствие обрядовой манипуляции.

В данной связи нелишне коснуться еще двух находок. При раскопках поздних слоев **Трои VI** (Турция) в пределах Цитадели, на участке близ расположенных у края террасы крепостных стен Шестого города (квадрат E8), были обнаружены два фрагментированных стержневидных псалия из оленьего рога с пышным декором [Jablonka 2006, 9; Korfmann, Zidarov 2006, 678]. Один артефакт [Korfmann, Zidarov 2006, 678, 680-682, Abb. 1,1] может быть отнесен к типу Фюзешабонь, по Х.-Г. Хюттелю, а второй [Korfmann, Zidarov 2006, 682-683, Abb. 1,2] – к типу Спиш по Х.-Г. Хюттелю¹¹. Псалии датируются XIV-XIII вв. до н.э. [Zidarov 2006, 230], что соответствует периодам BC и BD. Важным моментом является то, что оба артефакта локализовались между «Домом с колоннами»¹² и Мегароном VI М. Как

они располагались друг относительно друга и в каком контексте находились, из доступных нам публикаций не ясно. К тому же, размеры квадратов, на которые разделена территории рассматриваемого памятника, довольно велики – 20×20 м (см. [Easton et al. 2002, fig. 6]). Учтем, однако, два факта: а) за многие десятилетия раскопок Трои были выявлены только эти два псалия; б) оба псалия тяготели к общественным постройкам¹³. Отсюда весьма вероятным будет допустить неслучайность «встречи» данных предметов на одном квадрате. Вполне возможно, их археологизация произошла вследствие каких-то обрядов. Косвенным аргументом в пользу того, что на участке, где обнаружены псалии, происходили обрядовые манипуляции, является обнаружение здесь нескольких каменных изделий, которые интерпретируются как навершия рукоятей мечей или украшения колесниц [Jablonka 2006, 9; Korfmann, Zidarov 2006, 686-688].

VI. Клад

В состав клада из **Бад-Райхенхалля** (Германия) входили два роговых стержневидных псалия. Один из них целый [Мах 1904, 68, Taf. VII,2]. Вторым представлен фрагментом [Мах 1904, 68, Taf. VII,1]. Кроме данных предметов, в кладах были бронзовые изделия (фрагменты серпов, кинжал, наконечники стрел, штырьки, иглы, рыболовный крючок), абразив, орнаментированная бусина и два пряслица [Мах 1904, 68-69, Taf. VII,3-19; Hansen 2012, 40, Abb. 13; 2013a, 382, Abb. 10]. У целого псалия на одном из концов имеется орнаментированное цилиндрическое утолщение, что делает данное изделие довольно своеобразным. Но если абстрагироваться от упомянутого конструктивного элемента, то псалий можно причислить к форме Ловасберени, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 78-79]. Более близок к изделиям данной формы фрагментированный псалий из рассматриваемого клада. Датировать комплекс из Бад-Райхенхалля, на наш взгляд, можно по содержавшемуся в нем кинжалу. Данное изделие находит аналогии в кладах из Айюда (Румыния) [Petrescu-Dîmbovița 1977, pl. 106,16,17]. Этот клад относится к периоду НА1 [Petrescu-Dîmbovița 1977, 80-81]. Не противоречат такой дате и серпы из Бад-Райхенхалля. Они могут быть причислены к сер-

11. Напомним, что и на поселении Спишский Штвртюк была зафиксирована сходная ситуация: обнаруженные псалии являются разнотипными.

12. О данной постройке см. [Blegen 2002, 159-163, ris. 31].

13. О Мегароне см. [Jung 2000].

пам с кнопкой типа Косидер, по В.А. Дергачеву и В.С. Бочкареву (см. [Dergachev, Bochkarev 2002, 275-285]). Такие серпы бытовали довольно длительное время – от горизонта Косидер (BB1/BB2) до периода НВ [Dergachev, Bochkarev 2002, 285]. Стоит заострить внимание на том, что демонстрируемая кладом из Бад-Райхенхаля «связка» «псалий+пряслице+игла» имела место и в комплексе с поселении Гор-Каполнадомб (яма d/2). Возможно, отмеченная «связка» не является случайной, а отражает какую-то мифологему.

В кладе из **Чёкловины** (Румыния) присутствовали два в разной степени поврежденных роговых стержневидных псалия с орнаментом, очень близкие морфологически друг к другу [Petrescu-Dîmbovița 1977, 89, pl. 132,8; Hüttel 1981, 79-80, Taf. 7,64, 65; Boroffka 1998, 90, Abb. 5,10, 11]. Помимо псалиев, в состав комплекса входили еще около 5 тысяч различных предметов. Среди них преобладают украшения (бронзовые «фалары», бляшки, пронизи, янтарные, оловянные, стеклянные и фаянсовые бусы и т.д.), но имеются также и предметы, очевидно, культового назначения («кеглевидные» бронзовые изделия с солярными изображениями – навершия?) [Petrescu-Dîmbovița 1977, 89, pl. 132,1-7,9,10; Hüttel 1981, 79, Taf. 7,64, 65]. Псалии относятся к типу Спиш, по Х.-Г. Хюттелю [Hüttel 1981, 80]. Клад входит в состав серии Чинку-Сусень, т.е. датируется периодом HA1 [Petrescu-Dîmbovița 1977, 80].

В кладе из **Борияша** (Сербия) находились два морфологически тождественных роговых стержневидных псалия [Hüttel 1981, 90, Taf. 8,77, 78]. Другие изделия из клада – бронзовые кельты, серпы (целые и фрагментированные), фрагменты клинков ножей или кинжалов, разнообразных украшения и предметы облачения – «фалар», гривна, браслет, диски, проволочные спирали, фрагмент колесовидного изделия и т.д. [Hüttel 1981, Taf. 29,1-19, 22-40]. Псалии относятся к типу Спиш, вариант Борияш, по Х.-Г. Хюттелю. Клад датируется периодом HA1 [Hüttel 1981, 90].

Стоит сказать также о кладах, где присутствовали бронзовые псалии, морфологически близкие некоторым из типов роговых псалиев, рассматривавшихся нами выше. Так, в кладе

из **Томешть** (Румыния) находился стержневидный псалий с цапфой [Petrescu-Dîmbovița 1977, 77, pl. 86,4-14, 87,1-9]. Другие вещи из комплекса представлены бронзовыми кельтом, серпами (целыми и фрагментированными), поясной пряжкой, изделием неясного назначения и двумя фрагментами предметов из бронзы [Petrescu-Dîmbovița 1977, 77, pl. 86,4-14, 87,1-9]. Серпы из клада разнообразны в типологическом плане и разновременны. Однако, самые поздние из них относятся к типу Гермешть, варианту Илишень, по В.А. Дергачеву и В.С. Бочкареву [2002, 237]. Серпы варианта Илишень бытовали в первой половине периода HA1 [Dergachev, Bochkarev 2002, 237].

В кладе бронзовых изделий из **Жбинце** (Словакия) присутствовали два бронзовых псалия с цапфами. Изделия относятся к типу Ларнауд-Бевтофт, по Х.-Г. Хюттелю [Furmánek 1979, 127, obr. 43; Hüttel 1981, 139, Taf. 19,208,209]. В комплексе присутствовали также топоры, серп, браслеты и другие предметы [Hüttel 1981, 139; Hansen 1994, 509]. Клад датируется XI в. до н.э. [Furmánek 1979, 127], т.е. периодом HA2.

Если стоять на позициях вотивной гипотезы интерпретации кладов, предполагающей их депонирование в ходе обрядов и, в частности, жертвоприношений божествам (см., например, [Hansen 1994; 2013; Agul'nikov, Ivanova 2010, 155]), то правомерно допустить, что в контексте кладов псалии имели определенную семантику. Для рассмотрения этого вопроса данных пока мало (слишком редко псалии оказывались в кладах), но, тем не менее, стоит обратить внимание на то, что вещи из упомянутых кладов могут быть соотнесены с тремя функциями – военной (клады из Бад-Райхенхаля и Жбинце, возможно, Борияша, если там были фрагменты кинжалов), производственной (эти же комплексы и клад из Томешть) и ритуальной (клад из Чёкловины; ритуальными, возможно, являются и некоторые предметы из клада Борияш, в т.ч. колесовидное изделие). Кроме того, в кладах из Чёкловины, Борияша, Томешть и Жбинце находились предметы облачения и украшения. Последние, вероятно, являлись дарами богам, предметы же, маркировавшие войну и производство, на наш взгляд, кодировали просьбы к высшим

существам об успешном протекании деятельности в этих сферах.

Стоит заострить внимание на том, что в кладе из Бад-Райхенхала присутствовали пряслица. Напомним, что они коррелировались с псалиями и в ямах из Отославицы, Гор-Каполнадомба и Глинжень II. Как мы полагаем, данная корреляция не случайна. Нам уже приходилось писать о том, что псалии в определенных контекстах выступали как медиаторы [Podobed et al. 2010, 23]. Пряслице же является частью веретена, а веретено во многих мифологических системах выполняет функцию медиатора между мирами [Polidovich, Polidovich 1999, 220; Tsimidanov 1999, 225; Glushkova 2006, 52; Kotseva 2008, 75]. Таким образом, вероятно, «тексты», включавшие одновременно и псалии, и пряслица, были нацелены на установление контакта со сверхъестественными силами.

VI. Торфяник

В **Эострюп Бюмарк** (Дания) в торфянике были найдены два роговых стержневидных псалия, почти идентичных по форме и орнаментации [Hüttel 1981, 103, Taf. 11,109-110; Penner 1998, 126]. По морфологии данные изделия не имеют полных аналогов среди псалиев более южных регионов Европы. Х.-Г. Хюттель счел, что некоторые их конструктивные особенности находят соответствия у бронзовых псалиев типа Менген-Каистен. Отталкиваясь от аналогий орнаменту, выполненному на изделиях из Эострюп Бюмарка, исследователь предложил отнести последние к периодам FD III или MD I, по периодизации С. Хенселя [Hüttel 1981, 103]. Это соответствует периоду ВА2. Такая дата, как нам представляется, очень занижена, тем более, что псалии из торфяника демонстрируют некоторое морфологическое сходство с бронзовыми псалиями, хронологическая позиция которых в рамках эпохи бронзы весьма высока. Словом, проблема датировки псалиев из Эострюп Бюмарка заслуживает отдельного изучения. Для нашей темы более важен другой момент. Псалии найдены в торфянике и, следовательно, они могут фиксировать существование практики обрядового утопления жертв в болотах, хорошо известной в культурах Европы эпохи бронзы и более позднего времени (см., например, [Androshchuk 2010, 438, 440; Hansen 2013b, 279]). Обратим внима-

ние и на то, что оба псалия имеют идентичные повреждения: сломаны в области отверстия, бывшего на цапфе. Отсюда правомерно допущение, что нарушение целостности псалиев являлось намеренным и, скорее всего, обрядовым. Суммируя всю приведенную выше информацию, можно сделать следующие наблюдения и выводы.

В культурах Центральной и Южной Европы периодов ВА2–НВ3 обрядовые манипуляции с конской уздой получили значительное распространение. Следствием этих манипуляций являлось попадание псалиев в погребения и культовые комплексы поселений. Очевидно, и клады, включавшие псалии, были не скрытыми до лучших времен наборами ценных в материальном плане вещей, но целенаправленно составленными «тестами», предназначенными для контактов с божествами.

Нам уже приходилось рассматривать контексты, в которых обнаруживаются псалии культур эпохи бронзы степной Евразии (здесь и ниже имеются в виду степь и лесостепь, взятые вместе) [Podobed et al. 2010; 2013]. Некоторые манипуляции, производившиеся с псалиями в культурах Центральной и Южной Европы, находят соответствия в культурах степей:

а) псалии использовались в погребальном обряде. При этом они выступали, как правило, в качестве погребального инвентаря и очень редко помещались в комплексы вне могил;

б) псалии оказывались в постройках, ямах за их пределами и в зольниках. Иногда их погружали в воду, что, вероятно, связано с представлениями о «водяных» конях [Podobed et al. 2013, 33];

в) в манипуляциях часто использовалась пара псалиев, а не один;

г) в обрядовый контекст порой включались отслужившие свой век изделия – изношенные и сломанные;

д) в части комплексов псалии коррелировались с пряслицами;

е) псалии входили в состав «текстов», где присутствовали наконечники стрел и колюще-режущие/рубящие орудия (в степях это преимущественно ножи, в Центральной и, особенно, Южной Европе – кинжалы и мечи). Подчеркнем, однако, то, что в большинстве учтенных комплексов с псалиями, включая и

погребения, оружие отсутствовало. Отсюда рассматривать конскую узду как атрибут исключительно воинов было бы неверным.

Между обрядовым использованием псалиев в степях, с одной стороны, и в Центральной и Южной Европе, с другой, прослеживаются и существенные различия:

а) в степях псалии чаще всего обнаруживаются в постройках, причем, как правило, они лежат на полу. Для поселений Центральной и Южной Европы такая локализация псалиев не характерна, но зато на данных памятниках псалии очень часто оказываются в ямах вне построек, что поселения степных культур, напротив, демонстрируют значительно реже;

б) в степях псалии относительно часто тяготели ко рвам или обнаруживались в их заполнении, локализовались близ стен построек. В Центральной и Южной Европе это не фиксируется. Отсюда можно предположить, что в степных культурах псалии играли важную роль в обрядах, приуроченных к границам, пролежавшим на горизонтальной плоскости. В Центральной и Южной Европе, учитывая тенденцию класть псалии в ямы, по-видимому, более важна была роль псалиев в манипуляциях, связанных с вертикальной структурой мира;

в) материалы степей значительно ярче, чем материалы Центральной и Восточной Европы, демонстрируют связь псалиев с почитанием огня и металлургическими культурами;

г) в степях псалии совершенно не попадали в клады, в отличие от Центральной и Южной Европы, где это иногда имело место. Стоит, правда, уточнить, что в состав центрально- и южноевропейских кладов псалии стали включаться относительно поздно – лишь начиная с периода НА1;

Щитковые псалии юга Балкан имеют восточно-европейское происхождение [Bochkarev, Kuznetsov 2013, 6]. В свете этого следует признать, что территория Подунавья являлась «мостиком», по которому из степей распространялись новшества в области совершенствования конской узды. Любопытно, однако, следующее. Присущая ряду степных культур (синташтинской, петровской, покровской, доно-вожской абашевской и некоторым другим) практика включения псалиев в контекст социально не-

ординарных погребальных комплексов находит параллели в Микенской Греции, но не в культурах промежуточной территории севера Балкан. Если же быть более точным, то на юге Восточной Европы данная практика не фиксируется западнее Подонья. В итоге мы сталкиваемся с любопытной картиной. На начальной стадии распространения псалиев последние выступали в качестве маркеров высокой социальной позиции погребенных лишь на противоположных концах «псалиевого» ареала, но не в его середине. Объяснить данный факт мы пока затрудняемся. Добавим, что фиксируются определенные циклы использования псалиев в погребальном обряде населения Евразии эпохи бронзы. Так, в некоторых культурах степей в период, переходный от среднего к позднему бронзовому веку (соответствует периоду ВА2), имел место всплеск практики помещения псалиев в захоронения. В начальный период эпохи поздней бронзы (= ВВ1/ВВ2) данная практика постепенно угасла и лишь в финале бронзового века (= НА1-НВ1) начала возрождаться. В Южной Европе с небольшим опозданием происходил аналогичный процесс: в микенской культуре и культурах более северной территории получил некоторое распространение обычай класть псалии в погребения. В основном, это имело место в периоды ВВ1 и ВВ2. В период ВС этот обычай почти не фиксируется, а в период ВД, он, похоже, совсем угас, чтобы вновь возникнуть в период НА1.

На территории Центральной и Южной Европы практика обрядовых манипуляций с псалиями, пусть и не повсеместно, существовала на всем протяжении рассматриваемого хронологического интервала (от периода ВА2 по период НВ3 включительно). В то же время, судя по тем данным, которые нам удалось собрать, масштабы рассматриваемого явления то нарастали, то сокращались. Так, вслед за всплеском интереса к обрядовому использованию псалиев в периоды ВА2 и ВВ1 (к первому относятся 5 учтенных комплексов, ко второму – минимум 5) в периоды ВВ2 и ВС произошел его спад (максимум 3 и максимум 4 комплекса соответственно). Затем вновь последовал всплеск: к периоду ВД можно отнести минимум 7 комплексов, к периоду НА1 – минимум 8. Далее, похоже, интерес к манипуляциям с

псалиями несколько упал: период НА2 представлен максимум пятью из учтенных комплексов. Ситуация в периоды НВ1-НВ3 не вполне ясна, т.к. значительная часть известных нам комплексов с псалиями этого временного интервала датируется довольно широко. Тем не менее, можно допускать, что, по крайней мере, в периоды НВ2-НВ3 обрядовая роль конской упряжки возрастает, о чем свидетельствуют

клады т.н. «фрако-киммерийского горизонта» [Chochorowski 1993; Metzner-Nebelsick 1994, 383-450; 2012, 157-179; Makhortykh 2005].

В заключение скажем, что сделанные нами наблюдения и выводы нуждаются в проверке и детализации. Расширение базы данных по контекстам обнаружения псалиев культур Центральной и Южной Европы, несомненно, позволит это сделать.

Библиография

- Aguľnikov, Ivanova 2010:** S. Aguľnikov, S. Ivanova, Kinzhal «kimmeriiskogo tipa» iz okrestnostei s. Severinovka. RA V, 2, 2010, 151-157 // С. Агульников, С. Иванова, Кинжал «киммерийского типа» из окрестностей с. Севериновка. RA V, 2, 2010, 151-157.
- Ailincăi 2013:** S.-C. Ailincăi, Începuturile epocii fierului în Dobrogea. SCIVA 64, 3-4, 2013, 223-292.
- Ailincăi, Mihail 2010:** S.-C. Ailincăi, F. Mihail, Psalii din corn descoperite în așezări ale culturii Babadag din nordul Dobrogei. Studii de Preistorie 7, 2010, 189-200.
- Anderson Immerwahr 1971:** S. Anderson Immerwahr, The Neolithic and Bronze Ages. The Athenian agora. Results of excavations conducted by the American School of Classical Studies at Athens XIII, 1971, 286.
- Andreev 2004:** Iu.V. Andreev, Gomerovskoe obshchestvo. Osnovnye tendentsii sotsial'no-ekonomicheskogo i politicheskogo razvitiia Gretsii XI-VIII vv. do n.e. (Sankt-Petersburg 2004) // Ю.В. Андреев, Гомеровское общество. Основные тенденции социально-экономического и политического развития Греции XI-VIII вв. до н.э. (Санкт-Петербург 2004).
- Androshchuk 2010:** F. Androshchuk, Nahodka na ozere Hjemind v Danii (nekotorye voprosy proizvodstva i obrashcheniya mechei v epokhu vikingov). Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 100-letiiu so dnia rozhdeniia G.F. Korzukhinoi. Sankt-Petersburg, 10-16 apreliia 2006 g. (Sankt-Petersburg 2010), 433-448 // Ф. Андрощук, Находка на озере Hjemind в Дании (некоторые вопросы производства и обращения мечей в эпоху викингов). Славяно-русское ювелирное дело и его истоки. Материалы Международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Г.Ф. Корзухиной. Санкт-Петербург, 10-16 апреля 2006 г. (Санкт-Петербург 2010), 433-448.
- Baş 1992:** U. Baş, Bronzezeitliche Geweihknebel in Südpolen. Archäologisches Korrespondenzblatt 22, 1992, 201-208.
- Bartonek 1991:** A. Bartonek, Zlatoobilnyie Mikenyi (Moskva 1991) // А. Бартонек, Златообильные Микены (Москва 1991).
- Berezanskaia 1974:** S.S. Berezanskaia. Pustynka. Poselenie epokhi bronzy na Dnepre (Kiev 1974) // С.С. Березанская. Пустынка. Поселение эпохи бронзы на Днепре (Киев 1974).
- Blegen 2002:** K. Blegen, Troia i troiantsy. Bogi i geroi goroda-prizraka (Moskva 2002) // К. Блеген, Троя и троянцы. Боги и герои города-призрака (Москва 2002).
- Blegen 2008:** C.W. Blegen, The expansion of the Mycenaean civilization. In: (Ed. I.E.S. Edwards, N.G.L. Hammond, E. Sollberger) The Cambridge ancient history II, 2 (Cambridge University), 2008, 165-187.
- Blavatskaia 1966:** T.V. Blavatskaia, Akheiskaia Greciia vo vtorom tysiacheletii do n.e. (Moskva 1966) // Т.В. Блаватская, Ахейская Греция во втором тысячелетии до н.э. (Москва 1966).
- Bochkarev, Kuznetsov 2013:** V.S. Bochkarev, P.F. Kuznetsov, Kul'turno-khronologicheskie kharakteristiki drevneishikh diskovidnykh psaliev Severnoi Evrazii. Problemy periodizatsii i khronologii v arkeologii epokhi rannego metalla Vostochnoi Evropy. Materialy tematicheskoi nauchnoi konferentsii, Sankt-Petersburg, 4-6 dekabria 2013 g. (Sankt-Petersburg 2013), 61-79 // В.С. Бочкарев, П.Ф. Кузнецов, Культурно-хронологические характеристики древнейших дисковидных псалиев Северной Евразии. Проблемы периодизации и хронологии в археологии эпохи раннего металла Восточной Европы. Материалы тематической научной конференции, Санкт-Петербург, 4-6 декабря 2013 г. (Санкт-Петербург 2013), 61-79.
- Bökönyi 1953:** S. Bökönyi, Reconstruction des mors en bois de cerf et en os. Acta Archaeologica III. Academiae

Scientiarum Hungaricae (Budapest 1953), 113-122.

Boroffka 1998: N. Boroffka, Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. *Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud*, Teil II. EA 4, 1998, 81-135.

Cluzan 2008: S. Cluzan, Cyprus: An International Nexus of Art and Trade. In: (Eds. J. Arus, K. Benzel, J.M. Evans) *Beyond Babylon: Art, Trade and Diplomacy in the Second Millenium B.C.* (Metropolitan Museum of New-York 2008), 311-385.

Chochorowski 1993: J. Chochorowski, Ekspansja kimmeryjska na tereny Europy środkowej. (Kraków 1993).

Dergachev, Bochkarev 2002: V.A. Dergachev, V.S. Bochkarev, Metallicheskie serpy pozdnei bronzy Vostochnoi Evropy (Kishinev 2002) // В.А. Дергачев, В.С. Бочкарев, Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы (Кишинев 2002).

Dragomir 1980: I.T. Dragomir, Contribuții arheologice și etnografice referitoare la procesul de formare al așezărilor de tip cenușar «zolniki». *Danubius X*, 1980, 31-58.

Easton et al. 2002: D.F. Easton, J.D. Hawkins, A.G. Sherratt, E.S. Sherratt. Troy in recent perspective. *Anatolian Studies* 52, 2002, 75-110.

Epimakhov 2005: A.V. Epimakhov, Rannie kompleksnye obshchestva severa Tsentral'noi Evrazii (po materialam mogil'nika Kamennyi Ambar-5), ch. 1 (Cheliabinsk 2005) // А.В. Епимахов, Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5), ч. 1 (Челябинск 2005).

Evans 1906: A.J. Evans, *The prehistoric tombs of Knossos* (London 1906).

Feldman, Sauvage 2010: M.H. Feldman, C. Sauvage, Objectc of Prestige? Chariots in the Late Bronze Age Eastern Mediterranean and Near East. *Ägypten und Levante XX*, 2010, 67-181.

Florescu 1991: A.C. Florescu, Repertoriul culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole. *Cultură și civilizație la Dunărea de Jos IX* (Călărași 1991).

Formozov 1984: A.A. Formozov, Stroitel'nye zhertvy na poseleniakh i v zhilishchakh epokhi rannego metalla. SA 4, 1984, 238-241 // А.А. Формозов, Строительные жертвы на поселениях и в жилищах эпохи раннего металла. СА 4, 1984, 238-241.

Furmánek 1979: V. Furmánek, *Svedectvo bronzového veku* (Bratislava 1979).

Gábor 2001: I. Gábor, Siedlungswesen und Bestattungssitten in Gör. Zum Übergang von der Urnenfelder- zur Hallstattzeit. Die Drau-, Mur- und Raab-Region im I vorchristlichen Jahrtausend. *Akten des internationalen interdisziplinären Symposiums vom 26 bis 29, Bad Radkersburg, april 2000* (Bonn 2001), 243-268.

Gershkovich, Razumov 2009: Ia.P. Gershkovich, S.M. Razumov, „Anomal'nii” kompleks zakliuchnogo periodu piznogo bronzovogo viku z Pivnichnogo Prichornomor'ia. In: (vidp. red. V.V. Otroshchenko) *Vzaemoz'iazki kul'tur epokh bronzi i rannogo zaliza na teritorii Tsentral'noi ta Skhidnoi Evropi* (Kiiv-L'viv 2009), 132-139 // Я.П. Гершкович, С.М. Разумов, «Аномальный» комплекс заключного периода позднего бронзового века з Північного Причорномор'я. У сб.: (відп. ред. В.В. Отрощенко). *Взаємозв'язки культур епох бронзи і раннього заліза на території Центральної та Східної Європи* (Київ; Львів 2009), 132-139.

Glushkova 2006: T.N. Glushkova, Istorii izucheniiia drevnego pleteniia i tkachestva v otechestvennoi arkheologii (Surgut 2006) // Т.Н. Глушкова, История изучения древнего плетения и ткачества в отечественной археологии (Сургут 2006).

Gol'tseva, Kashuba 1995: N.V. Gol'tseva, M.T. Kashuba, Glinzhen' II. Mnogosloinyi pamiatnik Srednego Podnestrov'ia (materialy raskopok 1978-79 gg. i 1989-90 gg.) (Tiraspol' 1995) // Н.В. Гольцева, М.Т. Кашуба, Глинжень II. Многослойный памятник Среднего Поднепровья (материалы раскопок 1978-79 гг. и 1989-90 гг.) (Тирасполь 1995).

Goncharova 1999: Iu.V. Goncharova, Nekotorye aspekty interpretatsii pogrebenii s diskovidnymi psaliami v stepnoi i lesostepnoi zonakh Evrazii. *Stratum plus* 2, 1999, 336-349 // Ю.В. Гончарова, Некоторые аспекты интерпретации погребений с дисковидными псалиями в степной и лесостепной зонах Евразии. *Stratum plus* 2, 1999, 336-349.

Goncharova 2000: Ju.V. Goncharova, Dorogami stepnogo koridora. Tipu, varianty, predpolozheniia. *Stratum plus* 2, 2000, 590-594 // Ю.В. Гончарова, Дорогами степного коридора. Типы, варианты, предположения. *Stratum plus* 2, 2000, 590-594.

Gorbov, Mimokhod 1999: V.N. Gorbov, R.A. Mimokhod, Kul'tovye komplekсы na poseleniakh sрубnoi kul'tury Severo-Vostochnogo Priazov'ia. In: (otv. red. A.N. Usachuk) *Drevnosti Severo-Vostochnogo Priazov'ja* (Donetsk 1999), 24-69 // В.Н. Горбов, Р.А. Мимоход, Культурные комплексы на поселениях срубной культуры Северо-Восточного Приазовья. В сб.: (отв. ред. А.Н. Усачук) *Древности Северо-Восточного Приазовья* (Донецк 1999), 24-69.

Hansen 1994: S. Hansen, Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfeldderzeit zwischen

Rhôneal und Karpatenbecken, Teil II. Aus dem Seminar für Ur- und Frühgeschichte der Freien Universität Berlin. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 21, 1994, 407-650.

Hansen 2012: S. Hansen, Bronzezeitliche Horte: Zeitliche und räumliche Rekontextualisierungen. Horte und Raum. Aktuelle Forschungen zu bronzezeitlichen Deponierungen in Mitteleuropa. Topoi. Berlin Studies of Ancient World 10, 2012, 23-48.

Hansen 2013a: S. Hansen, Bronzezeitliche Deponierungen in Europa nördlich der Alpen Weihgaben ohne Tempel. In: (Hrsg. I. Gerlach und D. Raue) Sanktuar und Ritual. Heilige Plätze im archäologischen Befund (Rahden 2013), 371-387.

Hansen 2013b: S. Hansen, Klady v Evrope v epokhu bronzy. In: (nauchn. red. Iu.Iu. Piotrovskii) Bronzovyi vek. Evropa bez granits. Chetvertoe – pervoe tysiacheletii do n.e. Katalog vystavki (Sankt-Petersburg 2013), 279-289 // С. Хансен, Клады в Европе в эпоху бронзы. В сб.: (научн. ред. Ю.Ю. Пиотровский) Бронзовый век. Европа без границ. Четвертое – первое тысячелетия до н.э. Каталог выставки (Санкт-Петербург 2013), 279-289.

Hüttel 1978: H.-G. Hüttel, Altbronzezeitliche Pferdetrensen. Ein Beitrag zur Geschichte des 16. Jahrhunderts v.Chr. Jahresbericht des Instituts für Vorgeschichte der Universität Frankfurt a. M. (Frankfurt am Main 1978), 65-86.

Hüttel 1981: H.-G. Hüttel, Bronzezeitliche Trensen in Mittel- und Jsteuropa. Grundzüge ihrer Entwicklung. PBF XVI,2, 1981, 159.

Ismagil et al. 2009: R. Ismagil, Ju.A. Morozov, M.S. Chaplygin, Nikolaevskie kurgany („Elena“) na reke Sterlia v Bashkortostane (Ufa 2009) // Р. Исмагил, Ю.А. Морозов, М.С. Чаплыгин, Николаевские курганы («Елена») на реке Стерля в Башкортостане (Уфа 2009).

Jablonka 2006: P. Jablonka, Vorbericht zu Arbeiten in Troia 2005. Studia Troica 16, 2006, 3-26.

Jugănaru 2005: G. Jugănaru, Cultura Babadag (Constanța 2005).

Jung 2000: R. Jung, Das Megaron – ein Analogie(kurz)schluss der Ägäischen Archäologie. Vergleichen als archäologische Methode. Analogien in den Archäologien. Mit Beiträgen einer Tagung der Arbeitsgemeinschaft Theorie (T-AG) und einer Kommentierten Bibliographie. British Archaeological Reports 825 (Oxford 2000), 71-95.

Karo 1930/33a: G. Karo, Die Schachtgräber von Mykenai. Text (München 1930/33).

Karo 1930/33b: G. Karo, Die Schachtgräber von Mykenai. Tafeln (München 1930/33).

Kashuba 2000: M.T. Kashuba, Rannee zhelezo v lesostepi mezhdru Dnestrom i Siretom (kul'tura Koziiia-Sakhar-na). Stratum plus 3, 2000, 241-488 // М.Т. Кашуба, Раннее железо в лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна). Stratum plus 3, 2000, 241-488.

Kashuba, Gol'tseva 1991: M.T. Kashuba, N.V. Gol'tseva, Sakharnianskii mogil'nik I (Tsygleu). SA 1, 1991, 197-209 // М.Т. Кашуба, Н.В. Гольцева, Сахарнянский могильник I (Цыглэу). СА 1, 1991, 197-209.

Klein 2010: L.S. Klein, Vremia kentavrov. Stepnaia prarodina grekov i ariev (Sankt-Petersburg 2010) // Л.С. Клейн, Время кентавров. Степная прародина греков и ариев (Санкт-Петербург 2010).

Kotseva 2008: J. Kotseva, Divchina-svitliachok abo bolgars'ki zhinochi charivni kazki. Narodna tvorchist' ta etnografii 2. 2008, 73-80 // Й. Коцева, Дівчина-світлячок або болгарські жіночі чарівні казки. Народна творчість та етнографія 2, 2008, 73-80.

Korfmann, Zidarov 2006: M.O. Korfmann, P. Zidarov, Trenskennebel in Troia. In: (Hrsg. H.-P. Wotzka) Grundlegungen. Beiträge zur europäischen und afrikanischen Archäologie für Manfred K.H. Eggert (Tübingen 2006), 677-690.

Koriakova et al. 2011: L.N. Koriakova, R. Krauze, A.V. Epimakhov, S.V. Sharapova, E. Kaizer, S.E. Panteleeva, N.A. Berseneva, V.V. Noskevich, V.V. Zaikov, Mikroraion Kamennyi Ambar (Cheliabinskaia oblast'): kratkie itogi issledovaniia v 2005-2008 g. Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arheologicheskogo s'ezda v Suzdale, t. IV (Moskva 2011), 41-43 // Л.Н. Корякова, Р. Краузе, А.В. Епимахов, С.В. Шарапова, Э. Кайзер, С.Е. Пантелеева, Н.А. Берсенева, В.В. Носкевич, В.В. Зайков, Микрорайон Каменный Амбар (Челябинская область): краткие итоги исследований в 2005-2008 г. Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале, т. IV (Москва 2011), 41-43.

Kristiansen, Larsson 2005: K. Kristiansen, T.B. Larsson. The Rise of Bronze Age Society. Travels, Transmissions and Transformations (Cambridge 2005).

Krivtsova-Grakova 1948: O.A. Krivtsova-Grakova O.A., Alekseevskoe poselenie i mogil'nik. Arkheologicheskii sbornik. Trudy GIM XVII, 1948, 57-164 // О.А. Кривцова-Гракова, Алексеевское поселение и могильник. Археологический сборник. Труды ГИМ XVII, 1948, 57-164.

Kurmankulov et al. 2007: Zh. Kurmankulov, A.S. Ermolaeva, Zh.S. Kalieva, In: (otv. red. V.G. Loman) Arheologicheskie issledovaniia na poselenii Taldysai. Istoriko-kul'turnoe nasledie Saryarki (Karaganda 2007), 93-105 // Ж. Курманкулов, А.С. Ермолаева, Ж.С. Калиева, В сб.: (отв. ред. В.Г. Ломан) Археологические исследования на поселении Талдысай. Историко-культурное наследие Сарыарки (Караганда 2007), 93-105.

Kuz'mina 1980: E.E. Kuz'mina, Eshche raz o diskovidnykh psaliakh evraziiskikh stepei. KSIA 161, 1980, 8-21 //

Е.Е. Кузьмина, Еще раз о дисковидных псалиях евразийских степей. КСИА 161, 1980, 8-21.

Kuz'mina 1994: E.E. Kuz'mina, Horses, chariots and the Indo-Iranians: an archaeological spark in the historical dark. South Asian Archaeology. 1993. Proceedings of the Twelfth International Conference of South Asian Archaeologists held in Helsinki University I, Helsinki, 5-9 July 1993 (Helsinki 1994), 403-412.

Lemos, Mitchell 2011: I.S. Lemos, D. Mitchell, Elite burials in Early Iron Age Aegean. Some preliminary observations considering the spatial organization of the Toumba cemetery of Lefkandi. In: (Ed. A. Mazarakis-Ainian) Dark Ages revisited (University of Thessaly 2011), 636-646.

Levitskii, Savva 1993: O.G. Levitskii, E.N. Savva, Rets.: Adrian C. Florescu. Repertoriul Culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole In: Cultură și civilizație la Dunărea de Jos. Călărași, 1991, vol. IX – 170 p. 209 pl. Revista Arheologică 1, 1993, 145-149 // O.G. Левицкий, Е.Н. Савва, Рец.: Adrian C. Florescu. Repertoriul Culturii Noua-Coslogeni din România. Așezări și necropole. В сб.: Cultură și civilizație la Dunărea de Jos. Călărași, 1991, vol. IX – 170 p. 209 pl. Revista Arheologică 1, 1993, 145-149.

Litvinenko 2009: R.O. Litvinenko, Kul'turne kolo Babine (po materialam pokhovaľnikh pam'iatok): Avtoref. dis. ... dokt. ist. nauk (Київ 2009) // Р.О. Литвиненко, Культурне коло Бабине (по матеріалам поховальних пам'яток): Автореф. дис. ... докт. іст. наук (Київ 2009).

Makhortykh 2003: S.V. Makhortykh, Kul'turnye kontakty naseleniia Severnogo Prichernomor'ia i Tsentral'noi Evropy v kimmeriiskuiu epokhu (Kiev 2003) // С.В. Махортых, Культурные контакты населения Северного Причерноморья и Центральной Европы в киммерийскую эпоху (Киев 2003).

Makhortykh 2005: S.V. Makhortykh, Kimmeriitsy Severnogo Prichernomor'ia (Kiev 2005) // С.В. Махортых, Киммерийцы Северного Причерноморья (Киев 2005).

Max 1904: Dr. Max, Der Knochenhügel am Langacker und die vorgeschichtliche Herdstelle am Eisenbichl bei Reichenhall in Oberbayern. Mitteilungen der Anthropologischen Gesellschaft in Wien XXXIV, 1904, 53-70.

Metzner-Nebelsick 1994: C. Metzner-Nebelsick, Die früheisenzeitliche Trensenentwicklung zwischen Kaukasus und Mitteleuropa. Archäologische Untersuchungen zum Übergang von der Bronze- zur Eisenzeit zwischen Nordsee und Kaukasus: Ergebnisse eines Kolloquiums in Regensburg 28.-30. Oktober 1992 (Bonn 1994), 383-450.

Metzner-Nebelsick 2012: C. Metzner-Nebelsick, Das Opfer. Betrachtungen aus archäologischer Sicht. Bios-Cultus-(Im)mortalitas. Zu Religion und Kultur – Von den biologischen Grundlagen bis zu Jenseitsvorstellungen. Beiträge der interdisziplinären Kolloquien vom 10.-11. März 2006 und 24.-25. Juli 2009 in der Ludwig-Maximilians-Universität München (Leidorf 2012), 157-179.

Metzner-Nebelsick 2013: C. Metzner-Nebelsick, Gedanken zur Frage des kulturellen Wandels in der Zeit um 1600 v.Chr. in Nordwest-Rumänien und Nordost-Ungarn. Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle. Band 9. (Halle 2013), 327-353.

Motzoi-Chicideanu et al. 2012: I. Motzoi-Chicideanu, S. Matei, D. Măgureanu, O piesă de harnașament din epoca bronzului descoperită la Cărlomănești-Cețățuia. Mousaios XVII, 2012, 65-95.

Mozsolich 1953: A. Mozsolics, Mors en bois de cerf sur le territoire du Bassin des Carpathes. Acta Archaeologica III. Academiae Scientiarum Hungaricae (Budapest 1953), 69-111.

Neagu, Basarab Nanu 1986: M. Neagu, D. Basarab Nanu, Considerații preliminare asupra așezării eponime de la Grădiștea Coslogeni, județul Călărași. Cultură și civilizație la Dunărea de Jos II, 1986, 99-128.

Nebelsick 2005: L.D. Nebelsick, Ikonographie und Geschlecht: Bilinguale figürliche Darstellungen zwischen Nordischen Kreis und Mitteleuropa. In: (Hrsg. B. Horejs, R. Jung, E. Kaiser und B. Teržan) Interpretationsraum Bronzezeit. Bernhard Hänsel von seinen Schülern gewidmet. Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie 121 (Bonn 2005), 575-598.

Nefedkin 2001: A.K. Nefedkin, Boevyie kolesnitsy i kolesnichie drevnikh grekov (XVI-I vv. do n.e.) (Sankt-Petersburg 2001) // А.К. Нефёдкин, Боевые колесницы и колесничие древних греков (XVI-I вв. до н.э.) (Санкт-Петербург 2001).

Oancea 1976: A. Oancea, Branches de mors au corps en forme de disque. Thraco-Dacica. Recueil d'études à l'occasion du IIe Congrès International de Thracologie (București 1976), 59-75.

Ostroverkhov 2007: A.L. Ostroverkhov, Rets: V.A. Papanova. Urochishche Sto Mogil (nekropol' Ol'vii Pontiiskoi). Kiev, 2006, SSPK XIV (Zaporizhzhia 2007), 201-221 // А.Л. Островерхов, Рец: В.А. Папанова. Урочище Сто Могил (некрополь Ольвии Понтийской). Киев, 2006, ССПК XIV (Запоріжжя 2007), 201-221.

Pankovskii 2004: V.B. Pankovskii, Osoybi klass psaliev epokhi bronzy? Psalii. Elementy upriazhi i konskogo snariazheniia v drevnosti. Arkheologicheskii al'manakh 15 (Donetsk 2004), 115-127 // В.Б. Панковский, Особый класс псалиев эпохи бронзы? Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах 15 (Донецк 2004), 115-127.

Penner 1998: S. Penner, Schliemanns Schachtgrübberrung und der europäische Nordosten: Studien zur Herkunft

- der frühmykenischen Streitwagenausstattung. Saabrücker Beiträge zur Altertumskunde 60 (Bonn 1998).
- Penner 2004a:** S. Penner, Die Wangenscheiben aus Mykene und nordostöstlichen Beziehungen, *Arkheologicheskii al'manakh* 15 (Donetsk 2004), 62-81.
- Penner 2004b:** S. Penner, Shchitkovye psalii iz Miken i ikh severo-vostochnye analogii. *Arkheologicheskii al'manakh* 15 (Donetsk 2004), 82-91 // С. Пеннер, Щитковые псалии из Микен и их северо-восточные аналогии. *Археологический альманах* 15 (Донецк 2004), 82-91.
- Petrescu-Dîmbovița 1977:** M. Petrescu-Dîmbovița, *Depozitele de bronzuri din Romania* (București 1977).
- Podobed et al. 2010:** V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov, Psalii, «zabytye» v ostavlennom dome (po materialam poselenii Azii i Vostochnoi Evropy epokhi bronzy). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* 3(15) (Gorno-Altisk 2010), 14-33 // В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Псалии, «забытые» в оставленном доме (по материалам поселений Азии и Восточной Европы эпохи бронзы). *Древности Сибири и Центральной Азии* 3(15) (Горно-Алтайск 2010), 14-33.
- Podobed et al. 2013:** V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov, Konskaia uzda – atribut initsiatsii? (po materialam kul'tur stepnoi i lesostepnoi Evrazii finala pozdnei bronzy i nachala rannego zheleza). *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii* 5(17) (Gorno-Altisk 2013), 23-44 // В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Конская узда – атрибут инициаций? (по материалам культур степной и лесостепной Евразии финала поздней бронзы и начала раннего железа). *Древности Сибири и Центральной Азии* 5(17) (Горно-Алтайск 2013), 23-44.
- Podobed et al. 2014:** V.A. Podobed, A.N. Usachuk, V.V. Tsimidanov, Ugly zhilishch kak mediativnye lokusy (Poseleniia epokhi bronzy Tsentral'noi Azii i Sibiri). *Arkheologiiia zhāne ētnologijadaғы mādenieter sabaqtastyghy māselesi atty “VI Orazbaev” okulary halyqaralyқ ғылыми-tāzhiribeliq konferencija materialdary, Almaty, 25 sāuir 2014* (Almaty 2014), 87-94 // В.А. Подобед, А.Н. Усачук, В.В. Цимиданов, Углы жилищ как медиативные локусы (Поселения эпохи бронзы Центральной Азии и Сибири). *Археология және этнологиядағы мәдениеттер сабақтастығы мәселесі атты «VI Оразбаев оқулары» халықаралық ғылыми-тәжірибелік конференция материалдары, Алматы, 25 сәуір 2014* (Алматы 2014), 87-94.
- Polidovich, Polidovich 1999:** Iu.B. Polidovich, E.A. Polidovich, Priadenie i tkachestvo v sisteme kul'tury narodov Iugo-Vostochnoi Evropy v epokhu pozdnei bronzy i rannego zheleza. *Tekstil' epokhi bronzy Evraziiskikh stepei. Trudy GIM 109, 1999, 217-223* // Ю.Б. Полидович, Е.А. Полидович, Прядение и ткачество в системе культуры народов Юго-Восточной Европы в эпоху поздней бронзы и раннего железа. *Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды ГИМ 109, 1999, 217-223*.
- Popham et al. 1979/1980:** M.R. Popham, L.H. Sackett, P.G. Themelis, Lefkandi I. *The Iron Age. BSA 11, 1979/1980, 464*.
- Potapov 2002:** V.V. Potapov, Poselenie epokhi pozdnei bronzy Varenovka III v Vostochnom Priazov'e. *Istoriiko-arkheologicheskie issledovaniia v Azove i na Nizhnem Donu v 2001 g. 18* (Azov 2002), 70-94 // В.В. Потапов, Поселение эпохи поздней бронзы Вареновка III в Восточном Приазовье. *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2001 г. 18* (Азов 2002), 70-94.
- Priakhin, Besedin 2001:** A.D. Priakhin, V.I. Besedin, Konskaia uzda perioda srednei bronzy v Vostochnoevropeskoii lesostepi i stepi. In: (nauch. red. V.I. Molodin) *Dono-Volzhskaia abashevskaiia kul'tura* (Voronezh 2001), 33-63 // А.Д. Пряхин, В.И. Беседин, Конская узда периода средней бронзы в Восточноевропейской лесостепи и степи. В сб.: (науч. ред. В.И. Молодин) *Дноно-Волжская абашевская культура* (Воронеж 2001), 33-63.
- Prudká, Stuchlíková 1991:** A. Prudká, J. Stuchlíková, Nálezy kostěné industrie ze střední doby bronzové z Otaslavic. *Archeologické rozhledy XLIII, 1991, 253-258*.
- Rența 2008:** E. Rența, *Prima epocă a fierului pe cursul râului Ialomița* (Târgoviște 2008).
- Říhovský 1982:** J. Říhovský, *Hospodářský a společenský život Velatické osady v Lovčičkách. Památky archeologické LXXIII, 1982, 5-56*.
- Sava 1992:** E.N. Sava, *Kul'tura mnogovalikovoii keramiki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia* (Kishinev 1992) // Е.Н. Сава, *Культура многоваликовой керамики Днестровско-Прутского междуречья* (Кишинев 1992).
- Siniuk, Kozmirchuk:** A.T. Siniuk, I.A. Kozmirchuk, Nekotorye aspekty izuchenii abashevskoi kul'tury v basseine Dona (po materialam pogrebenii). In: (otv. red. I.B. Vasil'ev) *Drevnie indoiranskii kul'tury Volgo-Ural'ia* (II tys. do n.e.) (Samara 1995), 37-72 // А.Т. Синюк, И.А. Козмирчук, Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона (по материалам погребений). В сб.: (отв. ред. И.Б. Васильев) *Древние индоиранские культуры Волго-Уралья* (II тыс. до н.э.) (Самара 1995), 37-72.
- Snitkovskaia 2013:** P.A. Snitkovskaia, K voprosu o rekonstruktsii obriadovoi praktiki naseleniia tashkovskoi kul'tury Srednego Zaural'ia. *XLV Uralo-Povolzhskaia konferentsiia studentov i molodykh uchenykh* (Izhevsk 2013), 70-71 // П.А. Снитковская, К вопросу о реконструкции обрядовой практики населения ташковской культуры Среднего Зауралья. *XLV Урало-Поволжская конференция студентов и молодых ученых* (Ижевск 2013), 70-71.

- Tkachev 2004:** V.V. Tkachev, Pogrebal'nye komplekсы s shchitkovymi psaliiami v Stepnom Priural'e. Psalii. Elementy upriazhi i konskogo snariazheniia v drevnosti. Arkheologicheskii al'manakh 15 (Donetsk 2004), 7-30 // В.В. Ткачев, Погребальные комплексы с щитковыми псалиями в Степном Приуралье. Псалии. Элементы упряжи и конского снаряжения в древности. Археологический альманах 15 (Донецк 2004), 7-30.
- Tkacheva, Tkachev 2008:** N.A. Tkacheva, A.A. Tkachev, Epoha bronzы Verkhnego Priirtysh'ia (Novosibirsk 2008) // Н.А. Ткачева, А.А. Ткачев, Эпоха бронзы Верхнего Прииртышья (Новосибирск 2008).
- Točik 1959:** A. Točik, Parohová a kostená industriá maďarovskej kultúry na juhozápadnom Slovensku. Študijné Zvesti Archeologický Ústav Slovenkej Akadémie Vied v Nitre 3, 1959, 23-53.
- Točik 1964:** A. Točik, Befestigte Bronzezeitliche Ansiedlung in Veselé. Študijné Zvesti Archeologického Ústavu Slovenkej Akadémie Vied 12, Nitra 1964, 187-291.
- Topoleanu, Jugănanu 1995:** F. Topoleanu, G. Jugănanu, Așezarea de tip Babadag de la Niculițel-„Cornet“ (județul Tulcea). Săpăturile de salvare efectuate în 1988. Peuce XI, 1995, 203-229.
- Tsimidanov 1999:** V.V. Tsimidanov, Vereteno v obriadah naseleniia sрубnoi kul'tury. Tekstil' epokhi bronzы Evraziiskikh stepei. Trudy GIM 109, 1999, 224-227 // В.В. Цимиданов, Веретено в обрядах населения срубной культуры. Текстиль эпохи бронзы Евразийских степей. Труды ГИМ 109, 1999, 224-227.
- Tsimidanov 2001:** V.V. Tsimidanov, Astragaly v pogrebeniakh stepnykh kul'tur Vostochnoi Evropy epokhi pozdnei bronzы i rannego zheleza. Arkheologicheskii al'manakh 10 (Donetsk 2001), 215-248 // В.В. Цимиданов, Астргалы в погребениях степных культур Восточной Европы эпохи поздней бронзы и раннего железа. Археологический альманах 10 (Донецк 2001), 215-248.
- Tsimidanov 2004:** V.V. Tsimidanov, Social'naia struktura sрубnogo obshchestva (Donetsk 2004) // В.В. Цимиданов, Социальная структура срубного общества (Донецк 2004).
- Tsimidanov 2011:** V.V. Tsimidanov, Sny i proiskhozhdenie nekotorykh predstavlenii o potustoronnem mire. Litoris Donbasu 19 (Donets'k 2011), 10-35 // В.В. Цимиданов, Сны и происхождение некоторых представлений о потустороннем мире. Литопис Донбасу 19 (Донецк 2011), 10-35.
- Tsimidanov 2015:** V.V. Tsimidanov, Pogrebeniia sрубnoi kul'tury s astragalami iz Novopokrovki-2 (Nizhnee Povolzh'e): «igroki» ili mediatory? Teoriia i praktika arkheologicheskikh issledovaniĭ 1(11) (Barnaul 2015), 56-69 // В.В. Цимиданов, Погребения срубной культуры с астралами из Новопокровки-2 (Нижнее Поволжье): «игроки» или медиаторы? Теория и практика археологических исследований 1(11) (Барнаул 2015), 56-69.
- Usachuk 2013:** A.N. Usachuk, Drevneishie psalii (izgotovlenie i ispol'zovanie) (Kiev-Donetsk 2013) // А.Н. Усачук, Древнейшие псалии (изготовление и использование) (Киев-Донецк 2013).
- Usachuk et al. 2010:** A.N. Usachuk, V.A. Podobed, Iu.B. Polidovich, V.V. Tsimidanov, Raskopki kurgana sрубnoi kul'tury na territorii aeroporta goroda Donetska. DAZ 13/14, 2010, 185-202 // А.Н. Усачук, В.А. Подобед, Ю.Б. Полидович, В.В. Цимиданов, Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта города Донецка. ДАЗ 13/14, 2010, 185-202.
- Vinogradov 2003:** N.B. Vinogradov, Mogil'nik bronzovogo veka Krivoie Ozero v Iuzhnom Zaural'e (Cheliabinsk 2003) // Н.Б. Виноградов, Могильник бронзового века Кривое Озеро в Южном Зауралье (Челябинск 2003).
- Vladár 1971:** J. Vladár, Parohové bočnice zubadiel Otomanskej kultúry na Slovensu. Slovenska archeologia XIX-1, 1971, 5-12.
- Vladár 1973:** J. Vladár, Osteuropäische und mediterrane Einflüsse im Gebiet der Slowakei während der Bronzezeit. Slovenska archeologia, 21, 253-357.
- Zidarov 2006:** P. Zidarov, Alltagsleben in Zeiten von Krieg und Frieden – Bronzezeitliche Artefakte aus Knochen und Elfenbein. In: (Hrsg. M.O. Korfmann) Troia. Archäologie eines Siedlungshügels und seiner Landschaft (Mainz 2006), 227-230.

Вячеслав Подобед, старший научный сотрудник Отдела охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей, Украина 83048, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, e-mail: achaeon@ Rambler.ru

Анатолий Усачук, кандидат исторических наук, Отдел охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей, Украина 83048, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, e-mail: dood@mail.ru

Виталий Цимиданов, кандидат исторических наук, Отдел охраны памятников археологии, Донецкий областной краеведческий музей, Украина 83048, г. Донецк, ул. Челюскинцев, 189-А, e-mail: archaeodon@front.ru